
РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.01

Л.М. ДАМЕШЕК

УДК 94(57)»18/19»

ББК ТЗ(2Р5)47-27

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК СРЕДСТВО ИНКОРПОРАЦИИ СИБИРИ В РОССИЮ ЭПОХУ ИМПЕРИИ XVIII – НАЧАЛА XX вв.

Рассматривается влияние переселенческой политики на инкорпорации Сибири в Россию в эпоху империи, подчеркивается непосредственная связь переселенческой политики с политическими интересами государства по созданию единого имперского пуританства, ее связь с властным освоением региона, приводятся характеристики основных демографических процессов в Азиатской России.

Ключевые слова: Россия, Сибирь инкорпорация, переселение.

L.M. DAMESHEK

THE RESETTLEMENT POLICY AS A MEANS OF INCORPORATION OF SIBERIA INTO RUSSIA IN THE ERA OF EMPIRE OF THE XVIII – EARLY XX CENTURIES

The influence of the resettlement policy on the Siberian incorporation into Russia in the era of the empire is considered, the direct connection of the resettlement policy with state's political interests in creating a unified imperial puritanism, its connection with the authoritative development of the region is emphasized, the characteristics of the main demographic processes in Asian Russia are given.

Keywords: Russia, Siberia, incorporation, resettlement.

Присоединение Сибири к России является, бесспорно, одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, М.Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией [1, с. 134]. Дальнейшее взаимоотношения центра и вновь присоединенных восточных территорий в немалой степени определялось характером присоединения этих земель к России. Отечественные и зарубежные

исследователи истории России едины в том мнении, что именно отмеченное обстоятельство выступало весьма весомым аргументом при выстраивании политики центра на окраинах государства [2, с. 3]. Разделяя точку зрения датского историка О.Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер колонизации», следует в то же время отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о сочетании методов колонизации, как освоения пустопорожных земель, и прямой экспансии, под которой автор понимает захват чужой территории. Продвигаясь на Восток, русское государство решало двуединую задачу: с одной стороны, расширение территории несомненно способствовало упрочению границ на восточном порубежье. С другой – Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами – пушниной, солью, рыбой. Отмеченное обстоятельство в сочетании с природно-географическими и этническими особенностями региона предопределили «в известном смысле умеренный», мягкий характер колонизации, «мягкое» отношение к местным народностям [3, с. 143]. Последние рассматривались как данники московского царя, т.е. подданные государства и, наряду с русскими крестьянами, должны были нести определенные податные обязанности на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги, и в соответствии с конституцией США не считались гражданами государства.

Начавшаяся одновременно с этим промысловая и земледельческая колонизация Сибири своим важнейшим следствием имела инкорпорацию Зауралья в систему экономических, административных и социокультурных связей империи. Историю хозяйственного освоения этой огромной территории можно проследить по датам основания сибирских городов: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Томск (1604), Кузнецк (1618), Енисейск (1619), Красноярск (1628), Якутск (1630), Илимск (1630), Верхолениск (1632), Иркутск (1661), Верхнеудинск (1666), Чита (1653) и т.д. Принципиально важным моментом в ходе хозяйственного освоения, наряду со строительством острогов и крепостей, стало возникновение земледельческих центров, превращение земледелия из сопутствующего промысла в самостоятельную отрасль хозяйства [4]. Строительство Московского почтового тракта позволило установить регулярные, по тем временам, отношения с центром, усилило поток новых переселенцев в лесостепные районы, способствовало укреплению безопасности проживающего населения.

В организации административно-территориального устройства восточных территорий московские, а затем и петербургские власти использовали схемы, уже апробированные в центре страны. В XVIII в. управление Сибири при некоторой специфике приобрело формы и содержание,

характерные для централизованного государства. В XIX в. Сибирь вступила как неразрывная составная часть России. В административном отношении она составляла единое генерал-губернаторство, однако в 1822 г. в результате преобразований М.М. Сперанского была разделена на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с административными центрами соответственно в Тобольске (с 1839 г. в Омске) и Иркутске. Западно-Сибирское генерал-губернаторство включало в себя Тобольскую и Томскую губернии, Восточно-Сибирское – Енисейскую и Иркутскую губернии и Якутскую область [5]. Небезынтересно отметить, что границы вновь образованной Енисейской губернии и Якутской области практически совпадали с границами современных Красноярского края и республики Саха (Якутия), а вот территория Иркутской губернии простиралась от границ нынешнего Красноярского края до побережья Тихого океана на Востоке. В территориальном отношении это была одна из самых больших административных единиц империи.

Дальнейший процесс властного освоения сибирских территорий империей сопровождался существенными изменениями в административно-территориальном устройстве азиатских окраин. В этом смысле пик нововведений приходится на середину XIX столетия, а накануне эпохи «великих реформ» территория азиатской России в административном отношении делилась на 4 губернии: Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую и четыре области: Якутскую, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую [6, с. 35-139]. Активизация дальневосточной и среднеазиатской политики России отчетливо показала, что существующее административно-территориальное устройство не отвечает новым политическим и экономическим реалиям, стратегическим интересам государства. Фактор отдаленности, наряду с необходимостью усиления экономического присутствия, настоятельно диктовал потребность усиления административной власти на местах. Именно поэтому в 1882 г. было учреждено Степное генерал-губернаторство с центром в Омске и объединяющее Асмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области. Одновременно с этим было упразднено генерал-губернаторство Западной Сибири, а губернии Тобольская и Томская подчинены министерству внутренних дел на «общем основании» [7].

Спустя два года, в 1884 г., было учреждено Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей [8]. Таким образом, произошло конституирование административно-территориального отделения Дальнего Востока от собственно Сибири. Нерешенным вплоть до начала XX в. оставался лишь вопрос о Забайкальской области, которая неоднократно «передавалась» из одного генерал-губернаторства в другое, но в конечном итоге, вернулась «на круги своя» – в Иркутское генерал-губернаторство.

Таким образом, территориальные границы исследуемого автором региона в основном сформировались во второй половине XIX в. Это была историко-географическая и политико-административная реальность Российской империи рассматриваемого периода. Не случайно авторы юбилейного официального издания «Азиатская Россия», посвященного 300-летию юбилею Дома Романовых, под понятием «Сибирь» подразумевают территорию названных четырех губерний и двух областей [9, с. 44]. Разумеется, внутри единого имперского пространства границы были весьма условными, а российский имперский проект в конечном итоге предусматривал поглощение имперским ядром окраин государства, в том числе и превращение сибирских и дальневосточных территорий в Россию. Однако именно в этих административно-территориальных границах реализовывалась имперская идеология и практика, имевшая конечной целью упрочение единства Российской империи. Расширение империи на восток сопровождалось активной колонизационной политикой на вновь присоединенных землях. Россия как бы росла, крепла за счет новых территорий, а русское государственное ядро поглощало имперские окраины. Важная роль в этом процессе отводилась русским православным переселенцам, которые должны были не только «приохотить» местные народы к занятию земледелием, научить их строительству крепостей и городов, но прежде всего, духовно сплотить империю, в том числе и при помощи православия. Вот почему переселенческая политика являлась важной составной частью колонизационного процесса, и, несмотря на определенные временные колебания, всегда привлекала к себе правительственное внимание.

Для того, чтобы объективно оценить демографические процессы, протекавшие в Сибири, необходимо определить общую численность русского и коренного населения на протяжении всего изучаемого периода. Для этого сопоставим данные 7-ой ревизии (1816 г.) и материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. В итоге получается, что за 81 год с 1816 по 1897 гг. численность пришлого, главным образом русского населения, возросла с 651 тыс. душ м. п. до 2 310 тыс. душ м. п., или на 354,8 %. За этот же отрезок времени численность коренного населения увеличилась с 220 тыс. душ м. п. до 413 тыс. душ м. п., или на 87,7 %. Таким образом получается, что темпы прироста пришлого населения в 3,5 раза превышала темпы роста коренных жителей. Отмеченное обстоятельство приводило к снижению удельного веса аборигенов в общей массе народонаселения региона с 25 % в 1816 г. до 15 % в 1897 г. Большая часть переселенцев оседала в районах Западной Сибири. Так, например, в период с 1816 по 1854 гг. в Сибирь (в границах начала XIX в.) переселилось около 119 тыс. душ м. п. (58,87 %), в Томской – 40 760 душ м. п. (34, %), а на долю Иркутской губернии пришлось лишь 8 093

души (6,81 %) [цифровые показатели рассчитаны автором по материалам: 10, с. 265; 11, с. 3]. Подобная же ситуация наблюдается и пореформенные десятилетия. В период с 1861 по 1891 гг. в Сибири водворилось примерно 450 000 переселенцев, в том числе в Западной Сибири 350 000, а в Восточной Сибири – около 100 000. Объясняется это рядом обстоятельств. Западная Сибирь была расположена ближе к Европейской части страны, здесь находились наиболее плодородные земли. В Восточной Сибири активно заселялась Енисейская губерния, особенно Минусинска котловина. Иркутская губерния и Забайкалье в силу удаленности от «коренных» губерний империи, сложности природно-климатических условий, мало пригодных для земледелия, в меньшей степени привлекали внимание переселенцев.

Таким образом, на протяжении всего XIX в. этническая граница проживания русского населения в Сибири постоянно расширялась. Этот процесс особенно усилился в начале XX столетия после строительства транссибирской железнодорожной магистрали и провозглашения новой переселенческой политики. Если с 1896 г. по 1906 г. в Сибирь переселилось 1,1 млн. человек, то за 1906-1914 гг. – 3 млн. человек, или в 2,7 раза больше. Даже с учетом «обратничества» (обратное переселение – Л.Д.) в восточных районах осталось 2 510 998 переселенцев, 235 039 ходоков, или 2 745 537 человек. Как и в дореформенный период основная масса переселенцев (68 %) оседала в Западной Сибири, на долю Восточной Сибири приходилось 32 %.

Отличительной чертой демографической картины Сибири на протяжении всего изучаемого столетия является крайняя неравномерность распределения населения. Если в губерниях Западной Сибири, составляющих 26 % территории региона, разместилось 8,8 млн. человек, то в Восточной Сибири на 74 % территории проживало лишь 30 % населения. В 1912 г. средняя плотность населения составила 2,5 человек на 1 кв. км в Западной Сибири и 0,4 человека на 1 кв. км в Восточной Сибири. Для сравнения укажем, что в 1913 г. в Англии приходилось 130 жителей на 1 кв. км, Германии – 102, США – 8, России – 6 [12, с. 67].

Еще одной особенностью демографических процессов в Сибири было явное преобладание сельского населения над городским. Думается, что она отражала характер развития экономических отношений в регионе. Сибирские города, первоначально возникшие как военные и административные центры, к началу XIX в. утратили эти функции и все больше превращались в места сосредоточения промышленности и торговли. В предреформенные годы в Азиатской России насчитывалось около четырех десятков городов, однако все они находились на разных ступенях развития. Лишь в шести из них население превышало 10 тыс. человек. В западной Сибири – это Тобольск – 16 тыс., Омск – 18 тыс.,

Томск – 15 тыс., Барнаул – 12 тыс.; в Восточной Сибири – Иркутск – 28 тыс., Красноярск – 10 тыс. Такие, к примеру города, как Тобольск и Иркутск стали уже настоящими торгово-промышленными центрами. В то же время в Сибири было немало и «сельских» городов, население которых не превышало 1-3 тыс. человек. Это Ишим, Ялуторовск, Кузнецк в Западной Сибири, Киренск в Иркутской губернии и др. Некоторые города выполняли роль пограничных форпостов на юго-востоке Азии. В целом же удельный вес городского населения в пореформенной Сибири был вполне сопоставим с Европейской Россией и находился на уровне 10 %. К концу XIX начала XX вв. в результате интенсивного притока переселенцев в Сибирь, оседавших преимущественно в сельской местности, это соотношение изменилось. Если в Европейской России в 1900 г. удельный вес горожан вырос до 12 %, то в Сибири, наоборот снизился до 8 %. Накануне первой мировой войны эти показатели составляли соответственно 27 и 13 % [подобнее об этом см.: 13, с. 185-193].

Таким образом, независимо от мотивов и побудительных причин самого переселения, крестьянское движение на Восток объективно приводило к изменению этнической картины Азиатской периферии, которая в этом отношении все больше напоминала Европейскую метрополию. Хотя коренное население традиционно проживало на «своих породных» землях, однако эти лакуны все больше попадали в окружение русских сел и деревень. Дальнейшее нарастание потока переселенцев в начале XX в. породило острый спрос на удобные для занятия сельским хозяйством земли, образовался дефицит пригодных для заселения земель. В этих условиях правительство приступило к землеустройству аборигенов на принципиально новых основаниях. Тем самым был провозглашен курс на ликвидацию сословия «инородцев», слияния их с русским крестьянским населением. Реализация этой идеи, по замыслу ее петербургских творцов, не ограничивалась одной Сибирью. Воплощение на практике проекта «большой русской нации» предусматривало постоянное расширение имперского ядра за счет поглощения окраин. Вариации этой политики можно проследить на примере других окраин империи.

Таким образом, задача хозяйственного освоения Сибири посредством переселений дополнялась и коррелировалась идеей интеграции окраин в единое экономическое и социокультурное пространство. Тем самым, по замыслу правительства, решалась стратегическая задача окраинной политики – усиление политического единства империи.

Перераспределение трудовых ресурсов между районами старого и нового заселения несомненно оказывало плодотворное влияние на хозяйственное освоение новых земель. Прежде всего, создавался широкий рынок рабочей силы, резко возрастал спрос на сельскохозяйственную продукцию, активизировались социокультурные процессы. Все это

в период перехода от аграрного общества к индустриальному имело немаловажное влияние на характер развития экономики региона. Представляется так же, что сам факт опережающих темпов роста сельского населения Сибири по сравнению с Европейской Россией, свидетельствует о том, что темпы аграрной колонизации существенно опережали индустриальную.

Изучение экономического развития Сибири свидетельствует о том, что со времени присоединения ее к России и вплоть до начала XX в. основные отрасли производства – сельское хозяйство, промышленность, промыслы – развивались весьма однобоко, выступая в качестве поставщиков сырья для Европейского центра. Интересы последнего в лице императорского Кабинета, казны, помещиков и фабрикантов защищала экономическая стратегия правительства в регионе, находившая свое выражение в разработке и практическом осуществлении законодательства, в финансовой, в том числе налоговой политике, во внешнеэкономической деятельности. Такой подход был основан на признании экономической зависимости окраин от Европейского центра, в котором, по меткому замечанию известного мемуариста XIX в. Ф.Ф. Вигеля, всегда смотрели на Сибирь, как богатая барыня смотрит «на дальнее поместье, случайно ей доставшееся ...». Задача поместья заключалась прежде всего в том, чтобы исправно платить «оброк золотом, серебром, железом, мехами», а состояние самого поместья мало беспокоило госпожу. По мнению Вигеля, из Сибири и так все придет само собой, а потому не следовало о ней слишком заботиться [14, с. 191].

Именно такого рода воззрения определяли статус и место Сибири в составе империи. Небезынтересно отметить, что Ф.Ф. Вигель в своих высказываниях довольно точно очертил ориентацию правительственных интересов в Сибири. Для московских, а затем и петербургских царей, и императоров Сибирь на протяжении XVII и XVIII столетий оставалась неисчерпаемым поставщиком столь необходимой государству пушнины. После того, как соболь – наиболее ценный объект пушного промысла – был почти повсеместно выбит, на смену пушнины пришли драгоценные металлы.

Список использованной литературы и источников

1. Гефтер М. Я. Из тех и этих лет / М. Я. Гефтер. – Москва : Прогресс, 1991. – 488 с.
2. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. / Б. Н. Миронов. – 3-е изд., испр., доп. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – 548 с.
3. Кристенсен С. О. История России XVII в. Обзор исследований и источников / С. О. Кристенсен. – Москва : Прогресс, 1989. – 256 с.
4. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня: В 2 т. / В. Н. Шерстобоев. – 2-е изд. – Иркутск, 2001. – Т. 1; Т.2.

5. Полное собрание законов Российской империи-I. – Т. 38. – № 29125.
6. Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск : изд-во ИГУ, 2005. – 246 с.
7. Полное собрание законов Российской империи-III. – Т. 2. – № 886.
8. Полное собрание законов Российской империи-III. – Т. 4. – № 2524.
9. Азиатская Россия. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. – Санкт-Петербург : Переселенческое управление, 1914. – 578 с.
10. Кабузан В. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. / В. М. Кабузан, С. М. Троицкий // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). – Москва : Наука, 1973. – С. 261–277.
11. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.): [В 3-х т.]. Т. 1 : Сводные таблицы и краткие выводы / С. К. Патканов. – Санкт-Петербург, 1912. – 185 с.
12. Винокуров М. А. Экономика Сибири. 1900-1928 / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов. – Новосибирск : Наука, 1996. – 320 с.
13. Зиновьев В. П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному / В. П. Зиновьев // Сибирское общество в контексте модернизации XVII –XX в. : сб. мат. Всероссийской конференции. – Новосибирск, 2003. – С. 185-193.
14. Вигель Ф. Ф. Записки / Ф. Ф. Вигель. – Москва : Захаров, 2000. – 327 с.

Информация об авторе

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета. Иркутск, 664003, К. Маркса 1, исторический факультет. E-mail: levlameshek@gmail.com

Author

Lev M. Dameshek – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History. Irkutsk State University. E-mail: levlameshek@gmail.com